

Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как особая научная процедура: схема второго этапа

В.Н. Рябцев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: Работа представляет собой третью статью в рамках цикла, посвященного особенностям анализа ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира. В данном случае в центре внимания автора второй этап указанной научной процедуры. Он предполагает анализ динамики такого рода зон (регионов) как многофакторной комбинаторики, при доминировании в ней конфликтного характера межгосударственных отношений и решающей роли (в ряде случаев) внерегиональных игроков. Предпринимается попытка представить нестабильные регионы и такого же рода лимитрофные зоны как совокупность и наложение силовых полей разной природы.

Ключевые слова: современный мир, геополитически нестабильные регионы, лимитрофные зоны («разъединительные пояса»), межгосударственные отношения: двусторонние, многосторонние и вертикально-организованные, конфликтность, асимметричные конфликты, международное посредничество, силовые поля.

Как мы уже писали ранее (см. [1,2]), в процедурном отношении анализ конкретных ситуаций (АКС) состоит из двух основных фаз, или этапов. Каждый из них предполагает *свою* последовательность операций, т.е. свою конкретную схему развертывания. Но для обоих этапов принцип работы один – «усложнение»: каждая последующая позиция выводится из предыдущей, но не сводится к ней.

Рассмотрим, как это выглядит на практике применительно ко второму этапу АКС, когда на первый план в работе геополитолога- «региональщика» выходят вопросы, связанные с динамикой геополитически нестабильных регионов или аналогичных (по типу) лимитрофных зон современного мира. Разбирая последовательно все операции, охватываемые данным этапом АКС, мы сохраняем их сквозную нумерацию (в рамках АКС в целом). Напомним, что первый этап охватывал у нас семь пунктов.

Но прежде, чем мы дадим их конкретное описание, уточним свою исходную *концептуальную* позицию. Ее подробное изложение мы не так давно дали в своей монографии по региональной геополитологии [3]. Здесь

же ограничимся изложением сути своей позиции.

Главное, из чего мы исходим, – это функциональная природа (нефизический характер) такого феномена, как геополитический регион. Мы полагаем, что взаимоотношения разного рода акторов «по горизонтали» и «по вертикали», и только они, формируют геополитическое пространство. Иначе говоря, геополитический регион, рассматриваемый вообще, не есть некое готовое «вместилище» каких-то объектов, как думали о пространстве, скажем, сторонники метафизического (механистического) материализма XVIII в. и более поздних времен. Пространство не просто заполнено разного рода взаимодействиями (интеракциями) государств и других акторов, но и как бы *соткано ими*. Геополитическое пространство региона в этом смысле предстает как «интегральная сумма взаимных воздействий» всех названных нами субъектов [4], некая качественно определенная среда. То есть мы имеем дело как бы с «чувственно-сверхчувственным» феноменом. Тем не менее, это уже и некая объективная реальность, которая приобретает свою собственную логику развития.

Политико-географический аспект в этом плане фиксирует лишь один – только территориальный – признак, а именно: фактор соседства нескольких государств, который и лежит в основе той или иной региональной подсистемы международных отношений. Как говорилось в одном из французских трудов по проблемам международной политики, по сути, любая региональная подсистема – «совокупность специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» ряда государств [5]. Но не более того. В качестве однопорядкового с ним фактора может выступать и такой географический «интегратор», как система естественных транспортных коммуникаций, соединяющая государства-соседи воедино водная артерия или общий (для государств-соседей) выход к открытым океанам и морям. Море в этом смысле, кстати сказать, не может

считаться помехой, преградой для межгосударственного общения. (По мнению С.Б. Переслегина, море – это инфраструктурная сеть с пренебрежительно малым транспортным сопротивлением. «В рамках геополитического "близкодействия" страны, разделенные судоходным морем, должны рассматриваться в качестве региональных соседей» [6]).

Для геополитологии, таким образом, важна не сама по себе территория или акватория и то, чем они конкретно наполнены, а *совокупность* специфических *взаимоотношений и взаимодействий* разного рода игроков, выстраивающихся по ее «матрице», как бы накладывающихся на эту особую часть геосреды. В зависимости же от того, что является предметом интереса местных и особенно внерегиональных акторов на этих территориях/акваториях, как себя позиционируют эти державы, какие они совершают при этом действия в отношении друг друга и т.д., можно говорить о некоей функции или предназначении конкретного геополитического региона как сегмента мирового геопространства. С.Р. Гриневецкий, С.С. Жильцов и И.С. Зонн особо отмечают: «...в русле подобных рассуждений происхождение региональных общностей (в данном случае, для нас – общностей геополитических. – *В.Р.*) нельзя связывать с естественными особенностями пространства, а само понятие "регион" следует определять не через территорию, а через политический процесс» [7]. И что еще интересно: такие общности (регионы) существуют и функционируют независимо от того, признано ли это самими акторами, которые вовлечены в политическую «игру» (они могут знать, с большей или меньшей степенью точности, какие военные и политические угрозы подстерегают их в регионе, но без обязательного наличия *системной* оценки). Главное в том, что взаимоотношения безопасности акторов настолько существенны, что определяют их национальные интересы и линии разграничения с другими региональными формированиями (читай: геополитическими регионами) [8].

Стало быть, мы проводим четкое различие между концептами «геополитический регион» и «географический регион»; исходим из того, что первый (как познавательный инструмент, отражающий более сложный объект исследования) несводим ко второму. В этом плане правы те авторы, которые считают, что выделение геополитических регионов как самостоятельных, со своей специфической «архитектурой» (не говоря уже о динамике) объектов исследования происходило по мере преодоления сугубо географического подхода [9]. Дело в том, что геополитическая наука изначально уделяла значительное внимание разнообразной *политической геометрии* – линиям и фигурам, маркирующим территории и области земной поверхности, на которых реализуются различные властные отношения. И надо сказать, что XX век только усилил эту традицию, поскольку начался уже переход от обычной (для этой области знания) политической *планиметрии* – к политической *стереометрии*, причем с заметным праксеологическим акцентом. Как отмечают специалисты, это связано с процессом глобализации. Усложнение системы международных отношений неизбежно модифицировало геополитические представления и властно требовало перехода от плоскостного воззрения к пространственному. По этой причине стали активно вводиться пространственные категории: геополитические «сферы», «пояса», «оси», «блоки», «дуги» и т.д. Стала все более очевидной тенденция – по мере углубления, проникновения во все более широкие и глубокие слои и сферы существования Земли человеческое общество и политика неизбежно должны переходить от планиметрии к стереометрии. И это не просто метафорические рассуждения о сферах влияния и пространствах силы, а самая что ни на есть злободневная практика новых разграничений, только теперь уже не на плоскости, а в глубине земных недр и Мирового океана, в воздушном пространстве и далее – в космосе [10].

Сказанное не значит, что такая ситуация делает ненужной географию, заставляет нас впадать в некий географический индетерминизм. Ведь до того, как предпринять геополитологический анализ обстановки, которая складывается в каком-либо из мировых регионов/субрегионов, мы должны как-то сориентироваться в земном пространстве, определиться на географической карте, а еще лучше на нескольких картах сразу, путем их наложения. Без такой работы, помогающей, по крайней мере, выяснить морфологический состав интересующего нас региона, к этому не подойти.

Все это так. Но в плане анализа *геополитических* явлений и процессов этого сегодня явно недостаточно. В чем мы и постараемся убедить читателя, приступая к рассмотрению динамики ГНЗР современного мира как особой научной процедуры. Сразу оговоримся: так же, как и первый этап АКС, второй этап охватывает семь пунктов. В качестве конечной цели мы видим необходимость построения динамической модели ГНЗР.

Пункт № 8.

Выход на построение динамической модели ГНЗР (а именно это – главная задача, которую призваны решать геополитологи-«региональщики»), как мы уже сказали выше, предполагает анализ на конкретной «площадке» всей совокупности *межгосударственных* и иных, производных от них, политических отношений. В данном случае к числу производных мы относим асимметричные отношения, встраивающиеся между государствами и рядом *негосударственных* акторов. Но лишь теми из них, кто способен благодаря наличию у них определенных ресурсов оказывать существенное влияние на жизнь отдельного региона или даже мирового сообщества, вызывая крупные, порой даже резонансные, события [11]. В этой связи приходится констатировать: акторами региональной политической сцены в целом ряде случаев являются внетерриториальные игроки, или «акторы вне суверенитета» (понимаемого вполне традиционно –

как отправление властных функций на конкретной территории): экстремистские организации, террористические группировки, партизанские формирования, криминальные кланы и т.д., порой имеющие в своем распоряжении целые мини-армии. Одним из таких акторов, присутствие которого на мировой политической сцене становится все более заметным, в настоящее время является сетевой игрок – условно говоря, «исламский партизан» (в том смысле, в каком термин «партизан» употреблял некогда великий К. Шмитт) [12]. (Именно этот специфический актер не первый год находится в достаточно сложных взаимоотношениях практически со всеми грандами мировой политики (хотя не без помощи некоторых из них он, собственно говоря, некогда и возник). При этом интересно, что эти отношения явно асимметричны, Но именно последние влекут за собой массу проблем, именно в тех зонах, где вольготно чувствуют себя такие игроки, все отчетливее и масштабнее проступают контуры «Нового Беспорядка».

По нашему мнению, начинать процедуру № 8 надо с анализа системы межгосударственных интеракций «местных» акторов, вовлеченных в геополитический процесс. Взаимоотношения по оси ««местные» государства – внутерриториальные игроки» надо во вторую очередь, и то лишь в том случае, если «сетевики» дислоцируются в данном регионе или, являясь заметными акторами на местном поле, «проходят» сквозь него. Говоря же о межгосударственных интеракциях (как таковых), первым делом надо вести речь о *двусторонних* отношениях, выстраивающихся, как минимум, по четырем «*track'am*»: экономическому, политическому, военному (включая военно-техническое сотрудничество) и гуманитарному. Почему двусторонних? Да потому, что именно эти – разного рода, разной «протяженности» и длительности – отношения образуют основной массив *всех* межгосударственных интеракций, проявляющихся в масштабе конкретного региона.

Далее. В ходе такого рода анализа акцент должен быть сделан на отношениях *конфликтного* характера как разновидности социальных конфликтов, являющихся собой жесткое *межгрупповое противоборство*, цель которого, по выражению классика мировой конфликтологии Д. Горовица, состоит в достижении каждой из сторон (по отдельности) очевидных преимуществ исключительно для себя и одновременно с этим – нейтрализации, элиминации соперника и нанесении ему непоправимого ущерба [13].

Вот как выглядит простейшая модель межгосударственных отношений на двусторонней основе с привязкой к конкретному ГНР или лимитрофной зоне с повышенным «индексом нестабильности»: а) имеющий вполне определенные интересы и ставящий перед собой конкретные задачи *субъект*: государство и/или объединение таковых (коалиция, блок и т.д.); б) *объект*: другое государство и/или другое такого рода объединение (коалиция, блок и т.д.); в) *отношение* первого ко второму как *такое*, т.е. *направленный контакт* одного государства в отношении другого (его активность, вынесенная вовне); в) *предметное основание* межгосударственных отношений: борьба за территорию (акваторию), контроль над стратегически важными коммуникациями, доступ к жизненно важным ресурсам, влияние в определенных сегментах региона, обеспечение своего престижа, борьба за статус «третьей стороны» или доступ к посредничеству в урегулировании местных конфликтов; и т.д.; г) *используемые средства* (как материально-предметные, так и знаково-символические): в одном случае это «насилие» (угроза применения силы + реальное ее использование), в другом – «переговоры» («торг» + «убеждение» противоположной стороны); д) *результат взаимодействия*: в одном случае – возникновение системы интеракций государств в режиме кооперации, в другом случае –

возникновение системы интеракций в режиме конфронтации (о чем подробнее речь чуть ниже).

Важнейшим моментом для анализа системы двусторонних отношений «местных» игроков является четкая *градиция возможных состояний* таких взаимоотношений. Поскольку в ГНЗР имеют место не только конфликтные отношения, но и отношения «солидарного» характера, дадим градицию тех и других. По нашему мнению, это выглядит таким образом.

Для системы межгосударственных взаимоотношений в режиме плюс (*кооперация*) это: 1) обычное сотрудничество (имеющее место в одной сфере); 2) диверсифицированное сотрудничество (охватывает ряд таковых, т.е. несколько линий взаимодействия); 3) отношения партнерства; 4) стратегическое партнерство; 5) союзничество («братские» отношения).

Для системы межгосударственных взаимоотношений в режиме минус (*конфронтация*) это: 1) политическая напряженность (латентная конфликтность); 2) политические конфликты в режиме «дебатов» и острых споров; 3) острые (но пока мирные) политические конфликты; 4) вооруженные инциденты, стычки или вооруженные конфликты, а также «замороженные» конфликты; 5) полномасштабная война.

Забегая вперед, скажем: в ГНЗР наличествует и тот, и другой режим взаимоотношений, правда, в разной пропорции (понятно, что доминирует конфронтация). Кроме того, для полноты картины на тех или иных региональных «площадках» следует допускать также и еще один режим межгосударственных взаимоотношений – нейтрализм. Это ситуация, когда интересы держав либо вообще никак не пересекаются (выстраиваются параллельно), либо когда они едва касаются друг друга.

Индикаторами взаимоотношений государств в режиме кооперации и конфронтации являются частотность, интенсивность и длительность соответствующих взаимоотношений, что уже предполагает использование

некоторых числовых показателей. Более конкретно это выглядит следующим образом:

– для режима кооперации это, прежде всего, такие индикаторы, как: объем торгово-экономического сотрудничества (объем экспортно-импортных операций); инвестиционная активность национальных компаний одной страны на территории другой, разработка совместных экономических проектов и участие в них; наличие и эффективность деятельности совместных компаний; официальные встречи, визиты первых лиц государств и число заключаемых ими договоров/соглашений; наличие военных баз или военного присутствия одного государства на территории другого государства, совместные военные учения и участие в совместных миротворческих операциях на территории третьих стран; интенсивность гуманитарных контактов (например, потоки туристов) и культурных обменов (спорт, выставочная деятельность, наука и образование); и т.д.

– для режима конфронтации это такие индикаторы, как: снижение или вообще прекращение торгово-экономической деятельности, введение всякого рода санкций, эмбарго, торговых и иных блокад со стороны одного государства в отношении другого государства; минимизация, а то и прекращение всякой инвестиционной деятельности, сворачивание совместных экономических программ и проектов; минимизация, прекращение отношений на уровне официальной правительственной политики (бездействие) с соответствующей «риторикой враждебности», как крайняя мера – разрыв дипломатических отношений; военные провокации, инциденты на границе, эпизодические боестолкновения правительственных войск, совершение диверсионно-террористических актов на территории государства-противника; аннексия части территории государства-противника и/или оккупация территории страны в целом с установлением соответствующего режима; насильственное переселение людей из мест их

традиционного проживания, депортации, этнические чистки, акты геноцида и экоцида; и ряд других.

Оговорим здесь один принципиальный момент.

Уж где-где, а в этой позиции в рамках АКС мы сталкиваемся с необходимостью очень четкой спецификации процедуры № 8. Дело в том, что в регионах-ЖК доминируют межгосударственные отношения в режиме кооперации (даже устойчивые «оси» многостороннего сотрудничества), замкнутые в конечном счете на «стержневое» государство. Если в системе есть отношения с другим знаком (минус), то они никак не задевают общерегиональный баланс сил, т.е. находятся на периферии системы и, к тому же, касаются отдельных ее игроков. Помимо этого, они жестко пресекаются «Хозяином» региона либо четко регулируются в рамках «местной» международной организации. Что же касается регионов-МК, то здесь картина как раз другая. Здесь на первый план выходит латентная или открытая конфликтность межгосударственных отношений, могущая в итоге выливаться в острые региональные кризисы. Свою «лепту» в создание кризисных ситуаций могут вносить также билатеральные отношения конфликтного типа одного или нескольких «местных» государств с каким-либо сетевым игроком (скажем, с террористической организацией или группировкой, либо непосредственно дислоцированной на региональной «площадке», либо «прошивающей» ее, если такого рода группировка носит транснациональный характер).

Не будем забывать, что в этих сегментах мирового геопространства отсутствуют «стержневые» государства, могущие выступать в качестве носителя общерегиональной Идеи с опорой на соответствующую Силу, т.е. быть подлинным «устроителем» регионального пространства; как вариант: в регионе могут существовать два или больше государств (конкурентов за лидерство), комплекс отношений конфликтного типа между которыми в

течение длительного времени образует конфронтационную ось, которая может придавать региону-МК (как это ни покажется странным на первый взгляд) качество целостности [14]. И что еще интересно: в регионе-МК может быть не одна, а сразу две устойчивые конфронтационные оси, накладывающиеся друг на друга. Типичный пример – Ближний и Средний Восток, где всех держат в напряжении, но одновременно и не позволяют ситуации кардинально меняться две давние и весьма устойчивые оси конфликтного взаимодействия – Ирана и Израиля, Ирана и Саудовской Аравии.

В разного рода лимитрофных образованиях современного мира ситуация тоже разная. В «регионах-воротах», например, *могут* иметь место отношения конфронтационного типа, но незначительные, не задевающие общий баланс сил, в котором по преимуществу складываются отношения в режиме кооперации. Правда, здесь есть одно «но» ... Как правило, эти *положительные* отношения складываются под сильным давлением внешних игроков и выгодны прежде всего им, потому как бы гарантированы ими. Но дай волю «местным» акторам, без патронажа извне, они тут же передерутся между собой (следовательно, латентная конфликтность в этих лимитрофах все равно остается). В «разъединительных поясах» картина иная – здесь доминируют отношения в режиме конфронтации, иногда весьма жесткой. Позитивные отношения между «местными» государствами могут иметь место, но на периферии системы. К тому же, они не влияют на общий дисбаланс сил.

Все эти моменты занимающийся анализом ГНЗР специалист должен учитывать самым тщательным образом.

Процедура № 9.

Она предполагает анализ межгосударственных отношений «местных» акторов, но только сведенных уже в некие комплексы, т.е. их много-

---

сторонний формат. Основой таковых является господствующая внутри этих комплексов положительная комплиментарность. Другой вопрос: *в какие именно* отношения «фигуранты» региональной сцены вступают друг по отношению к другу. Как мы видели, градация здесь может быть достаточно большой. Но в любом случае – доминирует подсознательное ощущение других как «своих», неформальная симпатия к ним. На границах же комплексов межгосударственных отношений «правит бал» интолерантность: легкое и нестойкое или, наоборот, жесткое и длительное отчуждение от них, зачастую даже открытая враждебность.

В данном случае следует сделать еще одно важное замечание.

Постоянно повторяясь в одних и тех же комбинациях, выстраиваясь по одним и тем же траекториям, до поры до времени межгосударственные отношения конкретных акторов, тем не менее, могут не иметь институционализированной формы. Но рано или поздно они структурируются, т.е. обрастают договорами и соглашениями, обязательствами в рамках каких-то альянсов, могут трансформироваться в устойчивые коалиции, блоки и/или организации. Это значит, что возникают специальные институты, регулирующие межгосударственные отношения, со своим набором императивов (законов и обязательств), табу и санкций. Если говорить конкретно о региональных «площадках», то здесь важно определить, есть у них *своя «надстройка»* в виде *региональных* международных организаций (общей или специальной компетенции) или хотя бы какие-нибудь консультативные форумы регионального «формата» (типа ОДЭР – ГУАМ с его дополнением в виде «Содружества демократического выбора» или такого их конкурента, как «Сообщество за демократию и права народов», как, например, в зоне «Черноморье- Кавказ – Каспий»)? Это важно для того, чтобы понять: есть ли в данном геополитическом регионе или в конкретной лимитрофной зоне институция,

---

которая хотя бы частично «перекрывает» анализируемую «площадку». Применительно к ГНЗР вообще важно уяснить: есть ли у «местных» игроков хоть какие-то институции, обязывающие их (вкуче) к мирному сосуществованию или нет? Пусть это будут даже организации с ограниченным членством (как, например, ОПЕК) или созданные по специфическим признакам структуры (скажем, по конфессиональным – как, например, Организация исламского сотрудничества, бывшая ОИК).

Как правило, с наличием легитимных институтов, занятых обсуждением и решением общерегиональных дел, мы сталкиваемся в жестких кластерах. В регионах же типа МК это всегда затруднительно, поскольку у «местных» акторов нет настоящей воли к объединению усилий на почве обеспечения безопасности (в лучшем случае имеется некоторая кооперация в вопросах экономики и торговли, как, например, в зоне Балканы – Черноморье – Кавказ, где де-юре существует Организация черноморского экономического сотрудничества). Затруднено даже формирование соответствующего дискурса и все, как правило, заканчивается общими фразами о пользе «быть вместе и жить дружно». Реально мало что делается для *настоящей* консолидации сил в масштабе всего региона. Причина ясна: в регионах-МК и/или лимитрофных зонах типа «разъединительных поясов» нет одного, тем более сильного игрока («Хозяина»), который был бы влиятельным арбитром в местных «разборках». Не удивительно, что в этих условиях открывается дорога для напряженной *борьбы за субъектность*, за лидерство, в ходе которого пытается выделиться та или иная политическая сила, которая проявляет желание возглавить регион, утилизировав ресурсы «местных» акторов под свои политические задачи и, что еще важно подчеркнуть: используя для этого *многосторонний* формат взаимоотношений с ними.

Много чаще мы сталкиваемся с ситуацией, когда «местные» державы входят в организации, контролируемые другими – внерегиональными –

игроками, которые рассчитаны на регулирование отношений на их геополитических полях. В итоге практически все ГНЗР являют собой фрагментированные пространства, растягиваемые в разные стороны существующими альянсами или коалициями «местных» государств. Дело может осложнять «вмешательство» в геополитический процесс непризнанных государств или квазигосударственных образований, функционирующих в режиме «замороженных» сепессионистских конфликтов. У этих условных политий могут возникать *свои* комплексы взаимоотношений: и с полноценными «местными» государствами, и с такими же, как они, неполноценными субъектами международных отношений. Свои интересы при выстраивании отношений с непризнанными государствами или квазигосударственными образованиями могут иметь и «сетевики» (те же террористические группировки или криминальные структуры).

Процедура № 10.

Рассматривая вопрос о том, что представляет собой анализ конкретных ситуаций в ГНЗР, мы непременно должны учесть и такой важный момент, как вовлеченность в геополитический процесс того или иного внерегионального игрока (или сразу несколько такого рода игроков). Это значит, по крайней мере, две вещи, а именно: то, что мы должны выяснить, кто именно и почему проявляет повышенный интерес к местным (региональным) делам? И при этом уточнить: идет ли речь об интересе «внерегионалов» к региону-МК или «разъединительному поясу» в целом или только к отдельным, конкретным государствам, фигурирующим на данной «площадке»? Понятно, что интерес у внешних игроков может быть разный: это и прямая борьба за территории или акватории (например, доступ к континентальному шельфу); это и заинтересованность в преференциальном доступе к стратегически важным ресурсам стран-обладателей (к их нефти, газу, урану, воде и т.д.) и использовании их; это и контроль над

стратегически важными сухопутными или морскими коммуникациями (проливами, каналами и т.д.) в данной зоне мира; это и традиционная борьба за рынки сбыта; и т.д. В зависимости от того, какое конкретно государство и чем именно владеет, в чем, собственно говоря, само нуждается, внерегиональные игроки могут выступать по отношению к ним в роли «консультанта», «опекуна», «спонсора», «адвоката» и т.д.

Но интерес внерегиональных игроков к той или иной ГНЗР может быть чем-то большим - скажем, стремлением закрепиться в энергоизбыточных точках, которые находятся в пределах конкретных ГНЗР, или и того больше – поставить под свой контроль духовные центры (сакральные места). Как показывает практика, последнее характерно для тех сильных и крупных государств, которые претендуют на мировую власть, для тех, кто выстраивает свой глобальный проект. В жестких кластерах, как бы они ни были привлекательным для такого рода игроков, это сделать трудно. Там есть свои «государства-Хозяева» и они внимательно следит за поведением «местных» акторов. Поэтому их отношения с «внергионалами» в значительной мере опосредованы зримым или незримым участием «ядерной» державы. Иначе говоря, на сколь-нибудь самостоятельную «игру» с внерегиональными державами из «местных» ... мало кто решится. Другое дело – регионы--МК и/или лимитрофные зоны (особенно «разъединительные пояса»), где «внерегионалы» чувствуют себя много вольготнее, где они вообще «играют» исключительно под свой интерес.

В то же время понятно и другое: «претендентов» на роль «первого лица» никогда не бывает много – позволить себе «роскошь» (а это весьма дорогое «довольствие») быть «устроителем» дел в масштабе ГНЗР может не каждый актер мировой политической сцены, каким бы «великим» он ни был... В этих условиях стоит говорить о попытке «перекрыть» регион, предпринимаемой какой-либо из великих держав или сверхдержавой (как это, например,

---

задолго до американцев, пытались сделать на Ближнем и Среднем Востоке британцы). Используя понятие «перекрывание» региона (*overlay*), давно используемое западными исследователями и экспертами, мы имеем в виду такого рода ситуацию, когда присутствие внешней силы в регионе абсолютно подавляет динамику безопасности «местных» акторов [15]. С этим присутствием обычно связана масштабная дислокация вооруженных сил этой державы в «перекрываемом» регионе (хотя это и не обязательное условие), идущее вслед за этим дипломатическое, идеологическое и экономическое и иное проникновение. Причем, будучи геополитическим феноменом, «перекрывание» отличается от обычного вмешательства со стороны сильной внерегиональной державы в вопросы региональной безопасности. «Перекрывание» подчиняет «проблематику безопасности региона» более широкому комплексу – соперничеству крупных держав. Иначе говоря, оно вводит систему межгосударственных взаимодействий акторов той или иной региональной сцены в более широкий – глобальный – контекст. И это обязательно происходит, когда на ту или иную региональную «площадку» или лимитрофную зону непосредственно проецируется борьба великих держав (сверхдержав).

И еще один важный момент в рамках процедуры № 10.

«Внерегионалы» могут быть разные. И это весьма значимый фактор для конкретной региональной «площадки», поскольку то давление, которое они могут оказывать на ее «архитектуру» и влиять на ее внутреннюю динамику, зависит от их «весовой категории». Полагаем, что здесь мы должны исходить из того, что называем законом геополитической гравитации (как прямой противоположности общеизвестному закону физической гравитации) [16]. Согласно этому закону, в мировом геополитическом пространстве (МГП): а) все самое «тяжелое», сильное и крупное находится «наверху», а все самое «легкое», слабое и «малое» располагается «внизу», причем по мере удаления

от «вершины» число элементов «мировой координатной сети» увеличивается; б) чем «тяжелее», сильнее и крупнее актор, тем более заметна его роль в мировых делах и тем более высокий статус он занимает в мировой табели о рангах; в) на самом «верху» МГП находится сверхдержава, обладающая наибольшим геополитическим пространством в мире (это самый высший слой МГП как своеобразного «слоеного пирога»; границы этого «супербольшого пространства» совпадают с общепланетарными границами МГП, хотя и не пронизывают его полностью); г) чем ниже уровень МГП, тем больше число местных лидеров – государств, образующих «ядра» в рамках *своих* «Больших геополитических пространств»; д) каждое из этих «ядер» обладает собственной «радиацией», т.е. способностью «облучать» все располагающиеся внутри *его* «Большого пространства» государства, причем посылаемые им «лучи», как правило, слабеют по мере приближения к периферийным зонам и границам этого пространства; е) «меньшее» по объему геополитическое пространство находится в «большем», объемлется им (как в матрешке), каждое из них при этом организовано по вертикальному принципу и что еще характерно: регулярность и интенсивность «излучения» идущего от «ядра» в направлении периферийных зон, плюс многоканальность этого «излучения» – гарантия плотности, или связности того или иного «Большого пространства».

К сказанному добавим: если на конкретной региональной «площадке» сталкиваются интересы ряда внерегиональных держав, преимущество будет у той из них, у кого более тяжелая весовая категория, что не исключает возникновение конкуренции между ними, иногда весьма острой (как, например, в ГНЗР, которые обладают богатыми запасами углеводородов).

Процедура № 11.

На данном этапе мы логично выходим на необходимость проанализировать весь комплекс *отношений «местных» государств с*

внерегиональными игроками, особенно теми из них, у кого в том или ином регионе есть важные и прямые интересы. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда межгосударственных отношений «местных» акторов между собой, которые как бы подвязаны на *центры силы и влияния, находящиеся на более высоких этажах мировой системы*. Говоря о комплексах взаимоотношений «местных» акторов с сильными мира сего – не важно, идет ли речь о двусторонних *track'ax* или многосторонних форматах, – надо помнить два важных момента: 1) импульс активности в них (как это и положено в геополитических системах) идет сверху вниз и 2) ориентация «местных» (и заведомо более слабых) игроков связана с их «взглядом наверх», с их ожиданием помощи, опеки, патронажа и/или защиты извне. Что важно также подчеркнуть: в каждой конкретной ситуации число «внерегионалов» всегда ограничено. Скажем, из держав «первого ряда» это всегда и исключительно США, от-части НАТО; из держав «второго ряда» – Великобритания, Китай, Россия и ЕС, реже Германия и Франция; из держав «третьего ряда» – это Турция, Иран, Индия, в ряде случаев ЮАР, Австралия. При этом такого рода державы (особенно «гранды» мировой политики) никогда не прочь нарастить свое влияние, не прочь получить беспрепятственный доступ к новым ресурсам для собственного развития и/или на получение дополнительных гарантий своей безопасности. Отсюда, кстати, проистекает частое противостояние, а порой и жесткая борьба внерегиональных игроков в регионах-МК.

А что же «местные» державы, фигурирующие в ГНЗР? В силу царящего среди них непонимания, отсутствия доверия, обид и взаимных претензий, плюс к этому сильного давления извне, они объективно превращаются в «государства-экстраверты». У многих из них линия на выстраивание отношений с внерегиональными державами формируется в качестве *предпочтительной, приоритетной*, что автоматически влечет за собой

подключение великих держав, ряда блоковых и иных структур к делам, волнующим «местных» акторов, и закрепление сильных мира сего в МК исключительно под свой интерес. Но что еще более печально: иногда «местные» акторы, теряя чувство реальности, порой впадают в самую настоящую мифологическую географию. Тогда с их стороны в адрес «сильных мира сего» звучат даже просьбы, чтобы те взяли на себя функцию политического кураторства, опеки, патронажа и т.д. над ними, заодно с этим обеспечивая их безбедное существование экономически (как тут не вспомнить Грузию при Саакашвили или современную Украину, с их неприкрытой сервильностью перед США).

Учитывая тот факт, что «местные» акторы – это, как правило, «малые» страны, с небольшим совокупным пространством и ограниченными ресурсами жизнеобеспечения, обладающие вследствие этого незначительной или вообще ничтожной геополитической ролью в мировой иерархии, становится понятным: в большей мере они являют собой объект воздействия со стороны внешних игроков, прежде всего, великих или крупных региональных держав. Какая бы то ни было ощутимая субъектность им попросту заказана. Зачастую вся их внешняя политика определяется тем, чью сторону они займут в спорах мощных игроков, ведущих *свои* баталии на мировой арене. Это означает, что де-факто они превращаются в государства-сателлиты, в банальных клиентов, а заодно с этим и «тотальных» должников (едва ли не во всем...). «Великие» же никогда не прочь нарастить свое влияние, увеличить за их счет свое геополитическое пространство, с целью чего ориентированы на беспрепятственный доступ к новым ресурсам для собственного развития и/или на получение дополнительных гарантий своей безопасности. Если испытывают в этом необходимость, то могут пробивать «скорлупу» этих государств, взламывать их «защитные оболочки» и проникать на самый низкий уровень территориальной организации национальных сообществ – уровень регионов,

---

отдельных районов (в основном проблемных) и даже отдельных городов. В последнем случае тоже бывает своя «драматургия», и порой весьма острая (как, например, в ситуации гражданских войн, сепаратистских конфликтов или конфликтов гегемонистского типа). И, между прочим, «прописана» эта «драматургия» будет не только по «адресу» конкретного государства, но и по «адресу» той/того ГНЗР, в который это государство географически входит.

Так или иначе, но в итоге исследователь может столкнуться с необходимостью моделировать ситуацию в ГНЗР, состоящую из *нескольких* комплексов многосторонних отношений. Последние образуют при этом ряд перевернутых (т.е. располагающихся основанием вверх) конусов, которые, будучи спроецированы на определенные сегменты конкретного региона, как бы разделяют, рассекают это пространство. При этом напомним закон геополитической гравитации: чем актор тяжелее по «весу», т.к. крупнее, сильнее или влиятельнее, тем он ближе к вершине. Но вершина эта – не острое, наподобие горного пика, а мощное и плотное «плато». Отсюда и наш образ – основание конуса. Сложность анализа при этом обуславливается тем, что комплексы вертикально-организованных межгосударственных отношений могут частично накладываться друг на друга, поскольку де-факто включают в себя отдельные элементы друг друга. Последнее означает, что ряд «местных» держав (как правило, «малые» и слабые государства) обретают статус «кочующих» акторов.

Особые случаи, с которыми мы сталкиваемся в рамках процедуры № 11, – это ситуации, когда замыкающий на себя какую-то конкретную систему вертикально-интегрированных отношений внерегиональный игрок вступает в жесткое противостояние с одним из «местных» государств. Это то, что в литературе называется асимметричным конфликтом. Речь о такого рода противоборствах, в которые вовлечены, с одной стороны, какая-либо великая держава (или сверхдержава), с другой – «средней величины противник» (как

правило, крупная региональная или субрегиональная держава с претензией на лидерство в своем ареале) [17]. Как вариант: оппонировать кому-либо из великих... может и обычное («малое») государство, но для этого у него должно быть *сверхнормальное* развитие одного из базовых компонентов потенциала (прежде всего военного), а заодно с этим и умело выстроенная (кстати сказать, тоже асимметричная) стратегия политических действий. Но в любом случае, такого рода межгосударственное взаимодействие предполагает жесткую поляризацию сторон. Это противостояние мощных, хотя и разных по силе и статусу держав, которое находится *на грани* перерастания обычных средств борьбы (от экономических санкций до информационно-психологической войны) в настоящие военные действия с применением самых разных видов оружия. Главные действующие лица процесса (прежде всего более сильный игрок) демонстрируют практически *арсенал средств борьбы*, в котором есть все что угодно, все возможные несиловые и силовые способы воздействия на противника, пока за исключением использования средств прямого, т.е. непосредственного военного противоборства.

В качестве примеров асимметричных конфликтов в современных условиях можно привести кризис вокруг Ирана и его ядерной программы, инициированный некогда США и вновь обострившийся, их же жесткое противоборство с КНДР и чуть менее острое, но такое же (типологически) конфликтное взаимодействие с Венесуэлой.

Справедливости (и точности) ради, стоит заметить, что в качестве фигурантов с более низким, чем великая (или сверх-) держава, рангом в двусторонних конфликтах асимметричного типа в ГНЗР фигурируют не только государства, но и игроки иного плана. Чаще всего у авторов, пишущих на данную тему, здесь указывают на внетерриториальных (сетевых) акторов типа «исламских партизан», о которых говорили выше. Как пишет по этому поводу политолог-международник М.М. Лебедева,

---

конфликты США – Аль-Каида, Великобритания – Аль-Каида представляют собой примеры асимметричных конфликтов. Асимметричным конфликтом является операция многосторонней коалиции в Афганистане в 2001 г., а также операции США в отношении Ирака в 2003г. [18]. Другие специалисты при этом замечают, что в ходе такого рода противостояния менее значимый по статусу, с меньшими возможностями актер в отношении безраздельно доминирующего «высокопоставленного» игрока вынужден действовать нестандартно. Говоря, скажем, о логике действий сетевого сообщества радикальных исламистов – ведении ими асимметричных боевых действий против сил «западного миропорядка» путем нанесения противнику внезапных точечных ударов, С.Б. Переслегин отмечает, что тем самым реализуется концепция так называемого *насыщающего террористического нападения* [19].

Процедура № 12.

Она предполагает выход на анализ международного посредничества в ГНЗР. Это вполне укладывается в логику АКС. И вот почему.

Какими бы нестабильными и «горячими» ни были те или иные регионы современного мира или лимитрофные зоны конфликтного типа, помимо того, что в них ощутимо (на них заметно сказывается) дестабилизирующее, а порой и деструктивное, воздействие внерегиональных игроков, надо понимать, что кто-то, как-то пытается снижать имеющуюся здесь напряженность или «снимать» открытую конфликтность. Это значит, что без международного посредничества дело здесь не обходится. При этом оно может быть индивидуальным, коллективным или ситуативным (в виде временно создаваемых великими державами или ими же, но «на паях» с международными структурами «трио», «квартетами» «квинтетами» и т.д.). Таким образом, в АКС органично входит так называемая третья сторона (ТС), т.е. о конкретный субъект регулирующего воздействия со знаком плюс,

---

со своими стратегиями и технологиями работы с «местными» государствами или их альянсами, взаимоотношения которых далеки от идиллических...

В современном мире наиболее сложными и трудно разрешимыми оказываются кризисы регионального масштаба и «происхождения». Поэтому надо говорить о скорейшем формировании новых «повесток дня» для целых регионов, а не только для отдельных стран, поскольку на карту поставлена проблема международной стабильности, недопущения дальнейшего расползания из проблемных зон и «горячих точек» по миру «рака хаотизации», а заодно с этим торможения набирающего обороты массового притока в богатые страны Запада «новых варваров». Мировое сообщество не может смотреть на эти вызовы и угрозы безучастно (особенно это касается не Африки, Ближнего и Среднего Востока).

Видя бессилие многих государств и региональных организаций, отсутствие у них способности/возможностей противостоять дезинтеграционным процессам, буквально «взламывающим» давно устоявшиеся и, казалось бы, прочные границы, надо подумать, как снимать хотя бы остроту противоречий между потребностью в международной стабильности и нарастающей дестабилизацией мира и фрагментацией МГП. В этих условиях выходит на первый план и активно дебатировается вопрос о «миро-системном» регулировании, «реанимируются» идеи о Мировом правительстве как едином центре принятия решений по типу отдельного государства. В качестве побочного момента вбрасывается идея о необходимости развертывания конфликтологической сети в глобальном масштабе под эгидой (условно говоря) «Общемирового Центра Силы». Фактически речь идет о создании и «запуске» гибкого механизма регулирования проблемных ситуаций в различных странах/регионах мира, о чем в свое время говорил видный норвежский ученый Й. Гальтунг. Еще когда он писал о том, что в мировой системе нужны такие средоточия власти

(читай: определенные институции, обеспеченные особыми ресурсами), важнейшей функцией которых должно стать *управление проблемными ситуациями и конфликтами, «работа» с ними: как в плане предотвращения, так и разрешения* [20]. Понятно, что в первую очередь здесь «под прицел» попадают ГНЗР.

Все так. И тем не менее. Будем рассуждать формально, поскольку нас интересует *сама процедура АКС*: с кем именно и с чем мы можем здесь столкнуться сегодня?

Что касается субъектов посредничества, то выбор здесь у нас в принципе невелик. Это ООН и ряд ее специальных институций, а также некоторые международные региональные организации, имеющие опыт миротворческой деятельности, «принуждения к миру», «поддержания мира» и постконфликтного регулирования, которые работают в проблемных зонах и «горячих точках» по мандату ООН или с ее подачи, но самостоятельно. Говоря же о спектре воздействия ТС на проблемные ситуации в ГНЗР, мы должны исходить из того, что в принципе он широк (другой вопрос: что из него и насколько эффективно используется): от простого мониторинга конфликтов и сбора фактов для докладов в ООН или другие региональные организации до организации переговоров и, как самая крайняя мера, до «принуждения к миру» и его «поддержания» силовыми средствами. И в данном случае в рамках проведения АКС важно выяснить *соотношение сил* между «миротворцами» и «деструкторами», особенно в тех ситуациях, которые связаны в внутригосударственными конфликтами и кризисами. Ведь в конфликтах и кризисах, которые порождены сепаратизмом и сецессией, мы сплошь и рядом видим, как сильно давят на ситуацию именно заинтересованные стороны, выступающие в роли деструкторов; как они играют на противоречиях Центра и периферии, титульного этнобольшинства и меньшинства (или сразу нескольких меньшинств), а иногда и просто

манипулируют ими, превращая ситуацию в «управляемый» и извне «контролируемый» конфликт (чем, кстати, объясняется длительный характер существования «замороженных» конфликтов сепаратистского типа). При этом заинтересованные силы и стороны могут выполнять разные роли: быть подстрекателями, выполнять функцию «серых кардиналов», заниматься дезориентацией общественного мнения, пособничать силам внутренней оппозиции и спонсировать экстремистские и сепаратистские силы.

Не особо «миндальничают» внерегиональные игроки и работая с государствами (если брать их как целое). Здесь в качестве крайних вариантов вмешательства «деструкторы» могут прибегать к «гуманитарным интервенциям» или просто к обрушению не удобных им государств, предварительно объявляемых «изгоями» международного сообщества. Как правило, первыми под раздачу попадают искусственные политии, зачастую с набором институтов, просто имитирующих деятельность настоящих государств; территориальные образования с неустойчивыми традициями государственности или вовсе без таковых. Да, конечно, никто не гарантирован от эндогенных кризисов и конфликтов, от серьезных проблем, так сказать, «органического» происхождения. Совсем другое дело – кризисы «рукотворные», искусственно созданные, кем-то и для каких-то целей инспирированные. Ясно, что это происходит, прежде всего, в тех регионах, которые или имеют стратегическое значение для великих держав, или играют особую роль в плане их энергобезопасности. Не удивительно, что в данном случае «сильные мира сего» действуют четко и жестко: когда – своими силами и средствами (прежде всего военно-политическими), когда – силами и средствами своих национальных компаний, банков и агентств. Возможны и «комбинации» того и другого... И это, заметим, помимо того, что свои интересы в стратегически расположенных и богатых ресурсами зонах мира имеют ТНК или международные финансовые структуры.

Так целые страны и зоны мира в одночасье оказываются перед перспективой попасть в «преисподнюю» мировой политики, опуститься на самое дно Мировой Системы. Это то, что А.И. Неклесса называл ее нездоровой частью, транснациональным «Зазеркальем» современного мира – «Глубоким Югом» (по его терминологии).

И еще один важный момент. В конфликтных зонах, в том числе и в лимитрофных зонах конфликтного типа («разъединительных поясах»), мы сплошь и рядом сталкиваемся с ситуацией, когда возникает сложный комплекс политических взаимоотношений, настоящий «узел противоречий»: одновременно и межгосударственных, и внутригосударственных. Часто ситуация в таких зонах «замораживается» на достаточно длительный период времени. Как же в *этом* случае выстраивается динамика ГНЗР? Полагаем, что конкретный вариант разблокирования тупиков и «узлов противоречий» вокруг проблемных зон/территорий будет определяться *балансом сил всех вовлеченных в процесс акторов*, их соответствующими возможностями и ресурсами. И решающим фактором могут оказаться не усилия посредников и миротворцев, тем более, что многие из них «отбывают свой номер», не особенно заботясь о действительном решении проблем, а втянутость в процесс заинтересованных сторон. При этом в таких ситуациях зачастую не последнюю роль играют местные спойлеры (в букв. смысле: «саботажники» мирного процесса). И они могут быть весьма напористы в достижении *своих «выгод»* [21,22]. Излишней заинтересованностью тех и других в *неразрешении* проблем, объясняются многочисленные примеры «замораживания» конфликтов, связанных с сепаратизмом отдельных территорий или сецессией.

Иначе говоря, все будет зависеть от того, как сложатся отношения в данный момент времени между всеми вовлеченными в конфликт сторонами и какими будут эти отношения. Поэтому из самых разных вариантов

урегулирования может реализоваться самый «невероятный». Но «невероятный» – только на первый взгляд, поскольку при более внимательном рассмотрении он может оказаться *наиболее вероятным* вариантом дальнейшего развития событий, поскольку именно он может устроить заинтересованные стороны. Это тем более верно в ситуации, когда те силовые поля, которые возникают *из* многоканальных и регулярных комплиментарных взаимодействий заинтересованных сторон (особенно если это – великие державы или крупные региональные игроки) с конфликтующими сторонами, оказываются более мощными, чем силовое поле, которое образуется взаимодействием с участниками конфликта международных посредников.

Процедура № 13.

Выполнение выше перечисленных операций позволяет нам перейти к предпоследней – довольно непростой процедуре, а именно: к выявлению силовых полей (кластеров межгосударственных взаимодействий: как положительных, так и отрицательных) и их соотношению на анализируемой «площадке». Эта позиция в АКС настолько важна, что иные из авторов выводят ее даже за рамки *региональной* геополитологии, т.е. придают ей много бóльшую значимость. Некоторые специалисты полагают, что на основе этого понятия вообще должно выстраиваться определение предметного поля геополитической науки. Так, например, Н.С. Мироненко пишет: если «вывести за скобки» различных геополитических построений нечто общее, то «вырисовывается предметная область, основной задачей которой выступает фиксации и прогноз пространственных границ действия силовых полей разного характера» [23]. Так это или нет – не будем вдаваться здесь в обсуждение данного вопроса. Для нас важнее другое: «работа» с силовыми полями – это важный момент анализа и моделирования процессов в ГНЗР современного мира.

Для отображения природы силовых полей, складывающихся на той или иной региональной «площадке», в ходе АКС важно и полезно заниматься «диагностикой цвета». Логика здесь такая: чем выше частотность взаимодействий, их длительность и интенсивность, тем гуще цвет – неважно какой: синий (если речь идет о межгосударственных отношениях в режиме кооперации) или красный (это если речь идет об интеракциях государств в режиме конфронтации). В последнем случае концентрация красного цвета показывает нарастание напряжения в том или ином поле, увеличение температуры «кипения» конфликтного процесса. В этом плане следует ввести также и третий цветовой компонент – зеленый. Им мы могли бы обозначить еще одно силовое поле, на сей раз со знаком «+», которое обязательно присутствует на анализируемой «площадке» (в том или ином виде и степени выраженности). «Зеленый пояс» в ГНЗР – это система взаимосвязей «местных» акторов с теми из внешних субъектов, от которых исходит импульс миротворчества в широком смысле слова (предотвращения вооруженных конфликтов, а также урегулирования или разрешения открытых политических противоборств, наконец, инициатива и меры по постконфликтному регулированию и т.д.). При проведении данной операции не обойтись и без еще одного цветового компонента. Мы должны допустить, что в каком-либо сегменте анализируемой «площадки» будет бледный фон или вообще отсутствует цвет. Это значит, что отсутствует само силовое поле, т.е. налицо некая вакуумная зона, свидетельствующая о слабой выраженности или малом «присутствии» каких-либо межгосударственных взаимодействий. Это понятно: ведь любая ГНЗР – отнюдь не гомогенная среда, в ней есть сегменты и геополитической адинами.

Безусловно, как бы ни был важен в анализе цветово-графический элемент, главное, конечно, момент концептуальный. Именно он помогает

понять динамику конкретной ГНЗР, вектор ее движения в МГП. Каким образом? Отвечаем.

Во второй статье цикла мы уже отмечали, что структура любого ГНР или такого же рода лимитрофной зоны – своего рода «кристаллическая решетка», многоэтажная конструкция. Если можно так сказать, это *только строящееся здание, но еще не жилой дом*. Теперь же – после проведения процедуры № 13 (да простит нам читатель эту нехитрую аналогию) – мы имеем дело уже с «живым организмом», «многоквартирным жилым домом», где местные жильцы активно перемещаются со своим скарбом и делами в горизонтальном и вертикальном направлении, активно общаются с жильцами соседних домов, а заодно принимают прошенных и непрошенных гостей. Выстраиваемые жильцами и «пришлым людом» в пространстве условного дома совокупность комплиментарных или нет... взаимоотношений, т.е. регулярных контактов по поводу вполне конкретных проблем, как раз и приводят к возникновению силовых полей разной конфигурации, плотности и пространственного объема – тех силовых полей, которые, с одной стороны, могут выходить за пределы конкретного региона и «заявлять» о себе на глобальном уровне МГП, а с другой – проникать (в условиях глокализации) на внутригосударственный уровень, заметно влияя на геополитическую динамику ряда конкретных государств. Добавим здесь еще один штрих: силовые поля выходят за пределы конкретного региона, чем и нарушают его относительную целостность потому, что срабатывают факторы *глобального* порядка. Ведь в ГНЗР именно они являются катализатором «местной» напряженности и нестабильности. И понятно почему: «сильные» и «крупные» игроки давят на более слабых и «малых», навязывают им свою волю и правила игры. Как тут не вспомнить известный императив французского специалиста Э. Шопрада, писавшего о том, что давно пора отбросить как ложную идею о том, «будто региональные конфликты являются частными аномалиями, не зависящими от

глобального контекста и проистекают из провинциального невежества местного населения». Ибо, по его мнению, постбиполярный мир «не только сотрясается от малых региональных конфликтов на почве утверждения различными народами своей национальной и культурной идентичности, но – и это самое главное – такие конфликты прекрасно вписываются в противостояние мирового масштаба между великими державами» [24]. (Сказанное Э. Шопрадом видим на десятках примеров).

Повторяем: любой геополитический регион или лимитрофная зона мира – это не просто географическая зона мира, это «функциональное» образование, пересечение и/или наложение бесконечного множества повторяющихся (воспроизводящихся) межгосударственных взаимодействий. Отсюда важность выявления плотности поля или, наоборот, его разреженности, что зависит от таких факторов, как частотность межгосударственных взаимодействий, их длительности, интенсивности и диверсифицированного характера. По дислокации соответствующих зон – *зон сгущения взаимодействий. по фиксации мест наложения силовых полей* и можно судить о том, какая именно тенденция в геополитической динамике ГНЗР доминирует в данный момент времени. Понятно, что она будет разная в зависимости от того, с чем мы конкретно будем иметь дело. Одно дело – слабоструктурированные зоны без явно выраженных государств-конкурентов, с очаговой и латентной конфликтностью; другое – зоны и регионы, где доминирует открытая конфликтность и где налицо борьба за доминирование «местных» держав; третье – когда речь идет о ГНЗР, являющих собой пространства, расколотые жесткими осями противостояния непримиримых «борцов за доминирование»; наконец, совсем иная ситуация, когда у нас «в работе» ГНЗР расколотого типа, основные сегменты которых «ассимилированы» внерегиональными игроками. Учитывая, что это по силам разве что великим державам, то получается так, что эти «сгустки»

межгосударственных взаимодействий по сути являются элементами центросиловых отношений глобального уровня.

В последнем случае мы имеем дело с ситуацией, когда тот или регион, та или иная лимитрофная зона перестают существовать в МГП как некое единое целое. Вот где, действительно, Геополитика напрочь отрицает Географию, как бы «перекрывает» ее. Ведь в данном случае подвергается отрицанию едва ли не главный принцип политической географии – фактор соседства государств, которые (по идее) и образуют конкретную региональную «площадку». Образуют-то они ее – образуют, но лишь как «место-действие» (как сказали бы евразийцы). Геополитическую же динамику этому «месту» задают как раз «неместные» факторы и силы...

Чем дальше по этой шкале – тем все более сложной становится геополитическая комбинаторика анализируемого региона, чем больше разного рода факторов и сил втягивается в «воронку» нарастающей хаотизации, тем сложнее вернуть регион в нормальное русло развития, т.е. каким-либо образом его стабилизировать. Не стоит упускать из виду и общемировой контекст: «Особенностью переживаемого ныне периода является константа флюидности – стабильность повсюду (выделено нами. – *V.P.*) уступает место нескончаемым переменам» [25]. Иначе говоря, времена стабильного, относительного устойчивого развития кончились. Мир-Система находится в точке бифуркации (ветвления, т.е. выбора траектории дальнейшего движения). Мир вообще становится «хрупким». Стало быть, даже самые малые воздействия или ни бог весть откуда выскочивший (как черт из табакерки) «джокер» могут иметь для нее серьезные последствия, вплоть до самых тяжелых и необратимых. Ясно, что все это моментально отражается в МГП, особенно в его уязвимых региональных сегментах. На этом пути мы выходим в плоскость работы с неопределенностью и турбулентностью, в область *геополитического предвидения и прогностики*. В

нашем случае это и есть **процедура № 14**. Она очень важна прежде всего для практиков – тех лиц/групп/организаций, кто непосредственно занимается вопросами внешней политики и политики в сфере безопасности. Что касается самих исследователей и аналитиков, то для них это, так сказать, «дело чести». Ведь давно известно, что «жизнеспособность любой концепции – в ее прогностическом потенциале, который обеспечивается глубиной теоретической проработанности» [26]. Однако здесь есть свои нюансы.

Подробно о специфике процедуры «работы с будущим», о том, как моделировать возможные ситуации в ГНЗР и какие при этом использовать методы – в следующей статье, которая и завершает весь наш цикл.

Статья подготовлена и публикуется в рамках выполнения внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр-07/2017-20) «Анализ "архитектуры" и динамики геополитически нестабильных регионов современного мира: когнитивный подход (на примере Черноморско-Каспийского региона)».

Литература

1. Рябцев В.Н. Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как актуальная задача: общий ракурс рассмотрения. Инженерный вестник Дона, 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4418.
2. Рябцев В.Н. Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как особая научная процедура: схема первого этапа. Инженерный вестник Дона, 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4419.
3. См.: Рябцев В.Н. Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа). – Ростов-

- на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2018. – 448 с.; прил., литер.
4. См.: Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 7. – С. 121.
  5. См.: Brillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. – Paris, 1990. – P. 8.
  6. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006. – С. 65.
  7. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. – М.: Восток-Запад, 2009. – С. 341.
  8. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – С 146.
  9. См.: Смирнов А.Н. Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 1999. – №3. – С. 54.
  10. См.: Русанов В.М., Саранчин Ю.К. Геополитика: от политической планиметрии к политической стереометрии. URL: cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-ot-politicheskoy-planimetrii-k-politicheskoy-stereometrii
  11. См.: Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2007. – С. 11, прим. 1).
  12. См.: Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического // К. Шмитт. Теория партизана / пер. с нем. – М.: Праксис, 2007. С. 36.
-

13. См.: Горовиц Д. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика: Хрестоматия / сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 223.
  14. См.: Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности // Международная жизнь. – 1991. – № 2. – С. 40.
  15. См.: Спорные границы на Кавказе / под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь мир, 1996. – С. 224 (прим. 3).
  16. См.: Рябцев В.Н. Указ. соч. – С. 70-71.
  17. Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States after the Cold War. – N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1997. – P. 41.
  18. См.: Лебедева М.М. Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации.... – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2007. – С. 100-101.
  19. См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – С. 117-122.
  20. См. об этом: Эрлих А. Современные мировые системы в анализе Йохана Гальтунга // Социально-политические науки. – 1992. – № 2-3. Сс. 36-37.
  21. См. об этом: Stedman S.J. Spoiler Problems in Peace Process // International Conflict Resolution after Cold War / ed. by P. Stern. – Wash. (DC), 2000. – P. 178.
  22. Миняжев Т.Р. Управление затяжными этническими конфликтами // Конфликтология. – 2005. – № 4. – С. 183-184.
  23. Мироненко Н.С. Теория «хартленда», целостность России и демократия (географический аспект) // Геополитические и геоэкономические проблемы России / под ред. С.Б. Лаврова. – СПб., 1995. - С. 25.
-

24. Шопрад Э. Большая Игра // А.Г. Дугин. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. 4-е изд. – М.: АРКТОГЕЯ, 2000. – С.891–892.
25. Уткин А.И. Новый мировой порядок. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 5.
26. Коргунюк Ю.Г. Наложение конфликтов: российский опыт в свете ревизии формулы Липсета – Роккана // Полития. – 2003. – №» 1(28). – С. 166.

References

1. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4418.
  2. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4419.
  3. Ryabtsev V.N. Geopoliticheskoye prostranstvo sovremennogo mira v regionalnom izmerenii (opyt morfologicheskogo analiza). [The geopolitical space of the modern world in the regional dimension (the experience of morphological analysis)]. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 448 p., pril., liter.
  4. Morgachyov S. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnije otnosheniya. 1989. № 7. p. 121.
  5. Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. Paris, 1990. P. 8.
  6. Pereslegin S.B. Samouchitel igry na mirovoy shchmatnoy doske. [Tutorial game on the world chessboard]. M. AST, SPb.: Terra Fantastica, 2006. p. 65.
  7. Grinevskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopoliticheskoje kazino Prichernomorja. [Geopolitical Black Sea Casino]. M.: Vostok-Zapad, 2009. p. 341.
-

8. Ozhiganov E.N. Startegicheskij analiz politiki: teoreticheskije osnovanija i metodi. [Strategic policy analysis: Theoretical foundations and methods]. M.: Aspekt-press, 2006. p.146.
  9. Smirnov A.N. Vestnik Mosk. Un-ta. Ser.12. politicheskije nauki. 1999. № 3. p.54.
  10. Rusanov V.M., Saranchin U.K. Geopolitika: ot politicheskoy planimetrii k politicheskoy stereometrii. [Geopolitics: from political planimetry to political stereometry]. URL: cyberleninka.ru/article/n/geopolitika_ot_politicheskoy_planimetrii_k_politicheskoy_stereometrii.
  11. Mezhdunarodnije otnoshenija: teorii, konflikty, dvizhenija, organizatsii. Izd. 2-je, pererab. i dop. P.A. Tsygankova. [International relations: theories, conflicts, movements, organizations]. M.: Alfa-M: INFRA-M, 2007. p.11, prim.1.
  12. Shmitt K. Teorija partizana. Promezhutochnoje zamechanije k ponjatiju politicheskogo. Teorija partizana. per. s nemets. M.: Praksis, 2007. P. 36.
  13. Gorovits D. Teorija mezhetnicheskogo konflikta. Etnos i politika: Chrestomatija. sost. A.A.Prazauskas. M.: Izd-vo URAO, 2000. p. 223.
  14. Bogaturov A.D., Pleshakov K.V. Mezhdunarodnaja zhizn. 1991. № 2. p. 40.
  15. Spornije granitsy na Kavkaze. [The controversial borders in the Caucasus]. pod. red. B. Koppitersa. M.: Ves mir, 1996. p. 224 (prim. 3).
  16. Ryabtsev V.N. Ukaz. Soch. p.70-71.
  17. Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States after the Cold War. N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1997. p. 41.
  18. Lebedeva M.M. Mezhdunarodnije otnoshenija: teorii, konflikty, dvizhenija, organizatsii. M.; Alfa-M: INFRA-M, 2007. pp.100-101.
  19. Pereslegin S.B. Samouchitel igry na miriviy shachmatnoy doske. [Tutorial game on the world chessboard]. pp.117-122.
  20. Erlich A. Sotsialno-politicheskije nauki. 1992. № 2-3. Pp. 36-37.
-

21. Stedman S.J. International Conflict Resolution after Cold War. Ed. by P. Stern. Wash. (DC), 2000. P. 178.
22. Minjazhev T.R. Konfliktologija 2005. № 4. pp.183-184.
23. Mironenko N.S. Teoriya «hartlenda», celostnost' Rossii i demokratiya (geograficheskij aspekt). Geopoliticheskije I geoekonomicheskije problemy Rossii. pod red. S.B.Lavrova. SPb., 1995. p.25. (pp.23-33).
24. Shoprad E. Bolshaja igra. A.G. Dugin. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoje budutscheje Rossii. 4-e izd. M.: ARKTOGEJA, 2000. pp. 891-892.
25. Utkin A.I. Novyj mirovoj poriadok. [New world order]. M.; Algoritm, Eksmo, 2006. p.5
26. Korgunuk U.G. Politija. 2003. № 1 (28). p. 166.